

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Лино Альдани

Онирофильм

Комбинезоны, голубые и серые, двигались вдоль шоссе. Голубой и серый, других красок не было. Не было ни магазинов, ни контор, ни одного бара, ни даже витрины с игрушками или парфюмерией. Время от времени в закопченной стене, поросшей мхом и заваленной мусором, открывалась вращающаяся дверь в лавку. Там были «сновидения»: онирофильм – счастье на любую цену, доступное всем; там была нагая Софи Барлоу для каждого, кто захотел бы ее купить.

Их было семеро, они приближались к нему с разных сторон. Одного он с невероятной силой ударил кулаком в челюсть, тот покатился по ступенькам из зеленого мрамора. Другой, высокий и мускулистый, подскочил снизу, размахивая дубиной. Внезапно пригнувшись, он уклонился от удара, крепко обхватил раба и швырнул его на колонну храма. Он уже приготовился разделаться с третьим, но тут горло его сжало, словно тисками. Он пытался освободиться, но третий раб вцепился ему в ногу, а еще один повис на левой руке.

Его волокли по земле. Со dna громадной пещеры доносились ритмичные звуки цитры и табла – напряженная, навязчивая музыка, полная пронзительных завываний.

Раздев пленника догола, рабы привязали его у алтаря. Потом они разбежались по галереям, которые, точно глазницы черепов, пронзали стены пещеры. Сильно пахло смолой, мускусом и миррой; от факела, треножника и подвесных курильниц шел возбуждающий, чувственный запах.

Когда появились танцующие девушки, музыка на мгновение смолкла, но тут же зазвучала сильнее, а откуда-то издалека донеслось женское пение. Начался разнузданный, пьянящий танец. Одна за другой проплывали мимо него девушки, чуть касаясь его живота, лица, груди легкими покрывалами и длинными, нежными перьями головных уборов. Диадемы и ожерелья переливались в полутьме.

Наконец покрывала упали, медленно, по одному. Он увидел упругие груди и почти ощутил податливость тел, извивающихся перед ним в круговороте неудовлетворенного сладострастия.

Внезапно долгий и леденящий душу звук гонга прервал танец. Цитры затихли. Танцовщицы, словно призраки, растворились в глубине пещеры, и в наступившей тишине появилась прекраснейшая жрица в леопардовой шкуре. Ее голые ноги были маленькие и розовые, в руке она сжимала длинный голубоватый кинжал. Черные, глубокие и очень живые глаза жрицы, казалось, проникали в душу.

Долго ли тянулось это невыносимое ожидание? Кинжал томительно медленно резал путы, большие черные глаза, влажные и жаждущие, неотрывно разглядывали его, а слух ласкали бессвязные, тихо шелестящие слова.

Она потащила его к подножию алтаря. Шкура леопарда соскользнула на пол; сладострастно распростершись, жрица нежным и повелительным жестом привлекла его к себе.

Бредли выключил аппарат, снял пластмассовый шлем и вышел из кабины. Лоб и руки были влажные от пота, он тяжело дышал, сердце учащенно билось.

Двадцать техников, режиссеров и исполнительница главной роли подбежали к Руководителю и окружили его. Бредли посмотрел по сторонам, отыскивая кресло.

– Дайте воды, – сказал он.

Он откинулся на широкую надувную спинку кресла, вытер пот и глубоко вздохнул. Один из техников принес стакан, Бредли залпом выпил холодную воду.

– Ну как? Тебе понравилось? – взволнованно спросил режиссер.

Бредли сделал нетерпеливый жест и покачал головой.

– Нет, не то, Густавсон.

Софи Барлоу потупила взор. Бредли погладил ее руку.

– Ты не виновата, Софи. Ты была великолепна. Я... я наслаждался твоей страстью, так сыграть может только великая актриса. Но все же в целом онирофильм получился надуманным, беспорядочным, негармоничным.

– В чем же наше упущение? – спросил режиссер.

– Густавсон! Я же сказал, что фильм негармоничен, неужели ты не понимаешь?

– Я понял. Ты говоришь, не достает гармонии. Согласен. Музыка индейская четырехвековой давности, а костюмы из Центральной Африки. Но Потребитель не обращает внимания на такие тонкости, его интересует другое.

– Густавсон! Потребитель всегда прав, не забывай этого. Речь идет не о музыке и костюмах. Недостаток в другом: этот онирофильм расстроит нервную систему даже у быка!

Густавсон нахмурил брови.

– Дай мне сценарий, – сказал Бредли, – и позови специалиста по эстетике.

Бормоча что-то себе под нос, он несколько раз перелистал тетрадку, как бы собираясь с мыслями.

– Итак, – наконец сказал он, захлопнув тетрадь, – фильм начинается с долгого путешествия в лодке, главный герой один в чужом и таинственном мире, затем борьба с крокодилами, и лодка тонет. Потом джунгли, очень опасные джунгли, подходящие вплотную к туземным поселкам. Главного героя запирают в хижине, но ночью к нему пробирается Алоа, дочь вождя, освобождает его и объясняет, как добраться до храма. Затем любовная сцена с Алоа под луной. Кстати, где Моа Моагри?

Режиссер и техники отодвинулись, и вперед вышла Моа Моагри, высокая, гибкая сомалийка.

– Ты тоже превосходно сыграла, Моа, но эту сцену придется переснять.

– Переснять? – воскликнула Моа. – Я могла бы повторить эту сцену сто раз, но сомневаюсь, будет ли от этого толк. Я выложила до конца, Бредли, это предел моих возможностей.

– Вот здесь-то и заключается ошибка Густавсона. В этом онирофильме основная сцена в самом конце, когда жрица соблазняет главного героя. Остальные сцены нужно дозировать, они должны быть своеобразным фоном, прелюдией. Нельзя делать онирофильм только из ключевых сцен.

Он обратился к специалисту по эстетике:

– Какой показатель ощущения у среднего зрителя?

– В сцене с Алоа?

– Да.

– 84,5.

– А в сцене финального объятия?

– Немного меньше девяноста семи.

Бредли почесал затылок.

– Теоретически это, пожалуй, допустимо, но практически, конечно, нет. Сегодня утром я просмотрел подряд все сцены первой части. Они превосходны. Но фильм не заканчивается на берегу реки, когда Алоа отдается главному герою. В нем есть и другие изрядно утомительные эпизоды, которые я только что видел, – есть еще один переход через джунгли, схватка с рабами в храме. Когда Потребитель дойдет до этого места в фильме, он очень

устанет, его чувственное восприятие снизится до минимума. Эротический танец девушек решает задачу только частично. Я смотрел фильм в два приема, и поэтому смог воспринять заключительное объятие с Софи во всей его стилистической безупречности. Но не следует путать абсолютный показатель с относительным. Важен последний. Я уверен, что если бы мы смонтировали фильм по сценарию, то в конце показатель восприятия опустился бы по меньшей мере ниже сорока, несмотря на все искусство Софи.

– Бредли! – взмолился режиссер. – Ты преувеличиваешь.

– Ничего подобного, – возразил Руководитель. – Повторяю, финальная сцена – шедевр, но Потребитель подойдет к ней уже усталым и удовлетворенным. Густавсон, не можешь же ты требовать от Софи чудес, а у нервной системы есть свои пределы и свои законы.

– Что же делать?

– Послушай меня, Густавсон. Я двадцать пять лет был режиссером и уже шесть лет Главный Руководитель. Думаю, у меня достаточно опыта, чтобы дать тебе совет. Если ты оставишь онирофильм в таком виде, я не допущу его в прокат. Не могу. Не говоря уже о том, что будет недовольна публика, я рискую погубить карьеру такой актрисы, как Софи Барлоу. Не спорь, ослабь напряжение во всех сценах, кроме последней, выброси любовное неистовство героя и Алоа, пусть это будет просто свидание.

Моа Моагри состроила недовольную гримасу. Бредли взял ее за руку, усадил на подлокотник кресла.

– Послушай меня, Моа. Не думай, что я хочу лишить тебя возможности добиться успеха. Ты талантлива, я это признаю. В сцене на берегу реки есть и пыл, и темперамент, и невинная примитивная страстность, все это, несомненно, восхитило бы Потребителя. Ты была превосходна, Моа. Но я не могу погубить фильм, который стоит миллионы, понимаешь? Я предложу Координационному Совету парочку фильмов, где главную роль будешь играть ты. Миллионы Потребителей обожают онирофильмы про дикарей. Тебя ждет головокружительный успех, поверь мне. Но не теперь, сейчас не время...

Бредли встал. Он чувствовал сильную усталость. Ноги были словно ватные.

– Мой совет, Густавсон. Сократи также сцену борьбы с рабами. Слишком много движений, слишком много насилия. Огромный расход нервной энергии.

Окруженный техниками, он, слегка покачиваясь, направился к выходу.

– Где Софи? – спросил он, дойдя до конца зала.

Софи Барлоу улыбнулась ему.

– Зайди ко мне, – сказал Бредли. – Надо поговорить.

– Я согласен, что не открываю ничего нового, это старые, избитые слова, ты сотни раз слышала их в школе и во время учебы в студии. И все-таки тебе следует подумать над ними.

Заложив руки за спину, Бредли медленно расхаживал по комнате. Софи Барлоу полулежала в кресле, время от времени вытягивая ногу, чтобы взглянуть на кончик туфли.

На мгновение Бредли остановился рядом с ней.

– Что с тобой, Софи? Нервный кризис?

Софи недоуменно пожала плечами.

– Кризис? У меня?

– Да. Поэтому-то я и позвал тебя сюда, в свой кабинет. Учти, я не люблю проповедей. Просто мне хочется напомнить тебе основные положения нашей системы. Я уже не молод, Софи. И некоторые вещи – я их схватываю на лету, с первого взгляда. Софи! Ты гонишься за призраками!

Софи Барлоу прищурилась, потом широко по-кошачьи раскрыла глаза.

– Призрак? Что это такое, Бредли?

– Я же тебе сказал, что некоторые вещи я схватываю на лету. У тебя нервный кризис, Софи. Меня бы не удивило, если бы ты оказалась под влиянием пропаганды, которую эти свиньи из Лиги борьбы со сновидениями неустанно ведут, чтобы подорвать наш общественный строй.

Казалось, Софи не восприняла упрека. Она сказала:

– Моа действительно хорошо играла?

Бредли провел рукой по затылку.

– Конечно! Моагри далеко пойдет, я уверен в этом...

– Дальше, чем я?

Бредли фыркнул.

– Ты задаешь бессмысленные вопросы.

– И все же я выражаюсь достаточно ясно. Хотелось бы мне знать, кто тебе больше понравился. Я или Моа?

– А я тебе повторяю, что это грубый, бессмысленный вопрос, он окончательно подтверждает подозрения и даже уверенность, что у тебя нервный кризис. Это пройдет, Софи. Рано или поздно такое случается со всеми актрисами. Кажется, это почти обязательный этап...

– Одно мне неясно, Бредли. Об этом не говорили в школе, об этом никто не говорил. *Раньше*. Что было раньше? Действительно, все были несчастливы?

Бредли снова начал ходить вокруг кресла.

– Раньше был хаос.

– Бредли! Я хочу знать, были ли они несчастны.

Бредли огорченно развел руками.

– Я не знаю, Софи. В то время меня не было, я еще не родился. Ясно одно: если система установилась, значит для этого были объективные условия. Я хотел бы, чтобы ты поняла простейший факт: техника позволила осуществить все наши желания, даже самые сокровенные. Техника, прогресс, совершенство наших приборов и точное знание законов нашего мозга, нашего "я"... все это реальность, действительность. Следовательно, и наши сновидения – реальность. Не забывай, Софи, что только в очень редких случаях онирофильм делают для комфортабельного отдыха и успокоения Потребителя. Почти всегда его цель в нем самом, как, скажем, только что, когда я обладал тобой, наслаждался твоим телом, твоими нежными речами и твоим ароматом в круговороте экзотических эмоций.

– Да, но это была лишь обычная имитация.

– Согласен, но я не сознаю этого. И потом даже смысл слов меняется со временем. Ты придаешь слову «имитация» презрительный оттенок, как это делали двести лет назад. А сегодня – нет, сегодня искусственный продукт уже не суррогат, Софи. Правильно выбранная флуоресцентная лампа дает свет, который лучше солнечного. Так же и онирофильм.

Софи Барлоу рассматривала свои ногти.

– Когда все началось, Бредли?

– Что?

– Система.

– Восемьдесят пять лет назад или около того, ты должна бы знать это.

– Знаю, но я говорю о сновидении. Когда люди начали предпочитать его реальности?

Бредли потер переносицу, желая собраться с мыслями.

– Кинематография начала развиваться в начале двадцатого века. Сначала это были двухмерные изображения, которые двигались по белому экрану. Потом появился звук, панорамный экран, цветная съемка. Сотни Потребителей собирались в специальных залах, они видели и слышали, но не *чувствовали* фильма; самое большее, чего удавалось добиться, – это первичного участия с помощью силы воображения. Очевидно, фильм был суррогатом, самой настоящей имитацией. И все-таки уже тогда кинематография была инструментом психосоциального превращения. Женщины той эпохи чувствовали потребность подражать актрисам в движениях, в тембре голоса, в одежде. Мужчины не отставали от них. Жизнь протекала в кинематографическом ключе. В первую очередь от этого выигрывала экономика: громадный спрос на одежду, автомобили, удобные жилища возникал не столько из-за естественных потребностей, сколько из-за беспощадной рекламы, которая постоянно изводила и соблазняла Потребителя. Я говорю о кинорекламе. Уже тогда

человек стремился к мечте, днем и ночью был ею одержим, но до реализации было еще очень далеко.

– Они были несчастливы, правда?

– Я ж тебе сказал, что не знаю. Я ограничиваюсь рассказом об этапах развития. К середине двадцатого века уже существовала женщина-стандарт, ситуация-стандарт. Были, правда, режиссеры и продюсеры, которые успешно делали культурные, идеологические фильмы – носители определенных идей. Но это явление длилось недолго. В 1956 году ученые открыли существование в мозгу центров наслаждения; на опытах убедились, что электрический импульс, поданный в определенный участок коры мозга, вызывает мощную, всегда одинаковую реакцию организма. Потребовалось двадцать лет, прежде чем плодами открытия начала пользоваться публика. Демонстрация первого трехмерного фильма с частичным участием зрителя означала смертный приговор интеллектуальному кино. Теперь публика воспринимала запахи, эмоции, могла уже как-то слиться с происходившим на экране. Но экономика подверглась беспрецедентному потрясению. Жаждавшие наслаждений, роскоши и силы зрители требовали удовлетворения всех своих желаний за какие-то гроши.

– А онирофильмы?

– Онирофильмы во всем своем блеске появились через несколько лет. Нет реальности, которая могла бы превзойти сновидение, публика в этом твердо убедилась. При полном участии зрителя любое состязание с природой смешно, любое восстание бесполезно. Если произведение безупречно, то Потребитель доволен, а общество устойчиво. Такова система, Софи. И безусловно, ее не смогут изменить ни твои преходящие сомнения, ни мелодраматическая болтовня натуралистов, бессовестных людей, которые мутят воду не для торжества ложной с самого начала идеи, а для собственной выгоды. Хочешь посмеяться? На прошлой неделе Герман Уолфрид, один из главарей Лиги борьбы со сновидениями, отправился в правление «Норфолк компани». А знаешь зачем? Ему был нужен личный онирофильм, пять знаменитых актрис, снятых в оргии, которая могла бы довести до инфаркта. Компания приняла заказ. Если Уолфрид протянет ноги, тем хуже для него.

Софи Барлоу резко поднялась.

– Ты лжешь, Бредли! Бесстыдно лжешь.

– У меня есть доказательства, Софи. Лига борьбы со сновидениями – это ловушки для дурачков, неизлечимых ипохондриков и поклонников старого искусства. Где-то на дне, наверно, есть остаток религиозного чувства, но на поверку остается только алчность.

Актриса была готова расплакаться. Бредли подошел к ней и, как бы желая защитить, осторожно обнял ее за плечи.

– Не думай больше об этом, Софи.

Он подвел ее к столу и вынул из ящика маленькую плоскую прямоугольную коробочку.

– Держи, – сказал Бредли.

– Что это?

– Подарок.

– Мне?

– Да, поэтому я и позвал тебя в кабинет. Ты снималась в двадцати фильмах нашей Компании. Заметный этап. Этот дар – лишь слабое признание твоих заслуг.

Софи пыталась открыть коробочку.

– Оставь, – посоветовал Бредли. – Откроешь дома. А теперь иди, у меня много работы.

У выхода из здания стояла вереница вертолетов-такси. Софи вошла в первый, вынула из кармана на дверце журнал, закурила сигарету и, польщенная, принялась созерцать собственное изображение на обложке. Вертолет мягко поднялся и направился в центр города.

На снимке рот был призывно полуоткрыт; великолепные краски, почти незаметный переход от света к тени, двусмысленная улыбка... Все было продумано до мельчайших деталей.

Софи рассматривала себя как в зеркале. Прежде в работе любой актрисы были отрицательные стороны. Когда снимали любовную сцену, «партнер» был настоящим, и приходилось обнимать его, ощущать на своем лице его дыхание и поцелуи. Съёмочный автомат запечатлевал сцену, которую зрители видели на экране. Теперь все стало иначе. Ученые изобрели «Адам» – манекен, набитый электронными устройствами, с двумя миниатюрными кинокамерами в глазницах.

«Адам» был чудом восприимчивости: когда актриса ласкала его, приемное устройство записывало ощущение ласки и одновременно фиксировало изображение в онирофильме. Таким образом Потребитель, просматривая впоследствии этот фильм, воспринимал ласку в полной чувственной достоверности. Он был уже не пассивным зрителем, а главным героем.

Естественно, что существовали онирофильмы отдельно для мужчин и для женщин. Они не были взаимозаменяемыми: и если болезненное любопытство заставило бы Потребителя вставить в свой приемный шлем ленту для Потребительниц, то это вызвало бы у него ужасную головную боль, и кроме того, тонкие контакты аппарата могли бы расплавиться.

Софи попросила водителя остановиться. Машина одолела не больше десятка кварталов, но Софи захотелось пройтись. Голубые и серые комбинезоны двигались вдоль шоссе. Голубой и серый, других красок не было. Не было ни магазинов, ни контор, не было ни одного бара, ни даже витрины с игрушками или парфюмерией. Время от времени в закопченной стене, поросшей мхом и заваленной мусором, открывалась вращающаяся дверь в лавку. Там в витринах из полированного стекла были сновидения, счастье, доступное всем, на любую цену, была она сама, нагая, для каждого, кто захотел бы ее купить.

Софи Барлоу шла среди погруженных в грезы людей, которые работали три часа в день, томясь одним единственным желанием – поскорее вернуться в свои угрюмые хижины, тут же надеть шлем и включить аппарат. И сразу начинали бесшумно разматываться катушки, катушки с онирофильмами, миллионы чудесных сновидений о любви, мощи, славе.

Посреди площади, на громадной эстраде, украшенной зеленью, взволнованный толстяк простирает руки.

– Граждане!

Голос звучал сильно и ясно, как в онирофильме, когда весь мир склоняется к ногам торжественного зрителя.

– Граждане! Древний философ сказал, что добродетель – это платье человека. Я здесь не для того, чтобы требовать от вас невозможного, я был бы безумцем, если бы домогался вашего немедленного и полного отказа. Вот уже много лет мы остаемся безмолвными рабами, пленниками лабиринта снов, годами блуждаем мы в темной чаще разобщенности и изоляции. Граждане, я призываю вас освободиться. Свобода – это добродетель, а добродетель – это платье человека. Мы слишком долго обманывали природу, но теперь мы должны одуматься, пока не настала полная и окончательная гибель духа.

Пропаганда Лиги борьбы со сновидениями была назойливой и всегда раздражала Софи. Но сейчас она ощутила какую-то внутреннюю тревогу. Когда ораторы на площади говорили о грехе и о гибели и призывали толпу Потребителей отказаться от сновидений, быть может потому, что она актриса, ей казалось, что обвиняют именно ее. Она чувствовала свою ответственность за всю систему. Может быть, во взволнованных словах ораторов была какая-то правда. Может, в школе ей сказали не все, может быть, Бредли не прав.

Возбужденный толстяк на эстраде бил кулаком по деревянному бортику; он побагровел, к лицу прилила кровь. Но его никто не слушал.

Когда из боковой дверцы вышла девушка под покрывалом, кое-кто из прохожих на миг остановился. Из динамика послышалась древняя восточная мелодия. Девушка, танцуя, начала раздеваться. Она была молода и красива. Ее движения были четки, но не слишком ритмичны.

«Дилетантка, – подумала про себя Софи, – неудавшаяся актриса».

Когда девушка на эстраде осталась совсем голой, те немногие мужчины, которые было остановились, зашагали дальше. Одни посмеивались, другие разочарованно покачивали

головой.

Девушки из Лиги борьбы со сновидениями останавливали прохожих, подходили к мужчинам, выставляя грудь, глупо и трогательно предлагая себя. Софи ускорила шаг, но кто-то схватил ее за руку. Это был невысокий смуглый молодой человек, его черные глаза пристально смотрели на нее.

– Что тебе нужно?

Юноша показал на пурпурный значок, приколотый к комбинезону.

– Я из Лиги борьбы со сновидениями, – сказал он.

– Превосходно. Что же тебе от меня нужно?

– Хочу предложить тебе кое-что.

– Говори.

– Проведем эту ночь вместе.

Софи засмеялась.

– С тобой? Зачем? Что мне это даст?

Юноша чуть улыбнулся – терпеливо, но снисходительно.

– Ничего, – не смущаясь, ответил он. – Но наш долг...

– Оставь. Проведем ночь, оскорбляя друг друга, в жалких попытках добиться естественных отношений. Дружок, твой приятель там, на эстраде, наговорил уйму глупостей.

– Это не глупости. Добродетель – одежда человека. Я бы мог...

– Нет, ты не можешь. Не можешь, потому что не хочешь меня, а не хочешь меня, потому что я, настоящая, живая, человеческая, оказалась бы суррогатом, суррогатом кинолента, которые можно купить за гроши. А ты? Что ты мне можешь предложить? Глупый дерзкий мальчишка!

– Послушай, прошу тебя...

– Прощай! – Софи продолжила свою прогулку.

Пожалуй, она слишком сурово говорила с этим юношей. Бесплезная реакция, можно было бы отвергнуть его предложение так же, как это делали другие прохожие, вежливо или, самое большее, с улыбочкой превосходства. В конце концов этот парень верит в свои слова. Какое она имела право обижать его? Он-то верит! А главари Лиги? Бредли много раз уверял ее, что руководители Лиги – это сборище свиней. А если Бредли все время лгал?

Сомнения овладели ею несколько недель назад. Эти речи на площадях, плакаты на стенах, пропагандистские брошюры, публичные предложения испытать естественные отношения с активистами Лиги... Неужели все это ложь? А может, в утверждениях ораторов Лиги есть доля правды: мир загнивает и только отдельные люди способны увидеть весь ужас нашего положения.

Человек – остров. Вот к чему все свелось. С одной стороны класс Предпринимателей – правящий класс, к нему принадлежала и она сама, знаменитая актриса, с другой – армия Потребителей – мужчины и женщины, жаждущие одиночества и полутьмы, шелковичные черви, завернутые в кокон собственных снов, бледные бескровные личинки, отравленные бездействием.

Софи родилась в колбе. Как все. Она не знала свою мать. Миллионы женщин отправлялись раз в месяц в Банк Жизни, миллионы мужчин доходили в сновидениях до оргазма и сдавали семя в Банк, который вел отбор и использовал его в соответствии со строгими законами генетики. Брак стал архаическим институтом. Софи была дочерью сновидения неизвестного и безымянного мужчины, который в своих грезах обладал актрисой. Каждый мужчина старше сорока лет мог быть ее отцом, каждая женщина от сорока до восьмидесяти – матерью.

Когда она была моложе, мысль об этом тревожила ее, потом она привыкла. Но в последнее время сомнения и тревоги отрочества возникли снова, как стервятники, которые терпеливо кружатся, дожидаясь минутной слабости. Кто был тот юноша, который остановил ее? Образец высшей гуманности или человек, лишенный самого необходимого?

Конечно, если бы он сказал ей: «Я узнал тебя, Софи. Узнал, несмотря на стандартный

костюм и черные очки». Если бы он ей сказал: «Ты моя любимая актриса, наваждение всей моей жизни...» И потом добавил бы: «Хочу узнать тебя такой, какая ты есть на самом деле...»

Вместо этого он говорил о долге. Предложил ей провести с ним ночь только для того, чтобы таким способом отдать дань новой воображаемой морали. Добродетель – платье человека. Привычка к нормальным отношениям. Любите друг друга, мужчины и женщины, самоотверженно соединяйтесь. Каждый акт любви послужит поражению и распаду преступной системы. И тогда наши дети станут развиваться в тепле чрева, а не в холодном стекле колбы. Не это ли предсказывал толстяк с эстрады?

Она вошла в переполненную лавку и направилась к длинной стойке, где были выставлены сотни онирофильмов в элегантных пластмассовых коробках. Ей нравилось читать пояснения, выдавленные на крышках, слушать замечания, которыми покупатели иногда обменивались между собой, или совета продавцов, что-то шептавших на ухо нерешительным Потребителям. Она прочла несколько названий.

Сингапур: евроазиатская певица (Милена Чунг-лин) бежит с Потребителем. Приключения в порту, действие происходит в 1950 году. Ночь любви на сампане.

Битва: в качестве героя-офицера Потребитель проникает во вражеский лагерь и взрывает склад с горючим. Жестокий и победный заключительный бой.

Экстаз: реактивный самолет персидской принцессы, которую превосходно играет Софи Барлоу, совершает посадку в Гранд Каньоне. Принцесса и летчик (Потребитель) проводят ночь в пещере.

Более подробные описания находились в коробке. Ничего страшного, если Потребитель знает содержание. Показатель возбуждения от этого не снижается. Проекция сопровождалась кататоническим обмороком, когда из памяти исчезало все случайное, второстепенное. Участвуя в первой сцене, Потребитель не мог угадать, что произойдет во второй и в последующих. Даже если выучить наизусть пояснения, даже если этот фильм вы уже смотрели и наслаждались им двадцать раз. Сознание, повседневное "я", исчезало, поглощенное потоком возбуждения с катушки: человек переставал быть самим собой, усваивая облик, движения, голос, поступки, подсказанные фильмом.

К ней подскочил продавец.

– Желаете выбрать подарок?

Софи вдруг заметила, что она единственная женщина среди покупателей. Это было мужское отделение. Она подошла к противоположной стойке, смешавшись с женщинами всех возрастов, разглядывавших громадные фотографии самых модных актеров.

Космос наш: командир космического корабля (актер Алекс Моррисон) влюбляется во врача (Потребительница), направляет ракету на один из спутников Юпитера, высаживает остальных членов экипажа, а затем улетает с возлюбленной. Путешествие в космос.

Тортуга: время действия – 1650 год. Галантный пират (Мануэль Альварец) похищает придворную даму (Потребительница). Ревность и дуэли. Любовь и море под жарким небом юга.

– Ну как? – спросила высокая девушка, цветущее тело которой стягивал слишком узкий комбинезон.

– Здорово, – сказала ее подруга. – Я купила сразу четыре копии.

Но цветущая девица была настроена скептически. Она вытягивала шею, становилась на цыпочки, чтобы прочитать пояснения на стоявших сзади коробках. Потом что-то шепнула подруге, а та ответила ей совсем тихо.

Софи отошла, постояла несколько минут в отделе классики, украдкой глядя в конец

магазина, где толпились мужчины и женщины, покупая так называемые «онирофильмы для отдыха».

В школе ей объяснили, что когда-то все относившееся к вопросам пола считалось запретным. И в высшей степени неприличным было читать или писать о различных сторонах личной жизни; ни одна женщина никогда бы не рассказала посторонним о своих сексуальных желаниях и мечтах. Существовали порнографические открытки и журналы, большинство которых запрещались законом. Их покупали тайно, всегда с чувством вины или неловкости, даже если они были одобрены цензурой. Но с появлением «системы» совершенно исчезла примитивная традиция стыдливости. Целомудрие, если и существовало, то разве только в некоторых видах сновидений, в фильмах для отдыха пятидесятилетних. Но из жизни целомудрие ушло, по крайней мере на словах. Без тени стыда или неудобства каждый мог потребовать эротический фильм, так же как любой приключенческий или военный.

Ну, а подлинная, настоящая стыдливость? Кто среди толпящихся у прилавков, чтобы купить сладострастие в коробке, осмелился бы при всех раздеться? Кто не пришел бы в ужас, если бы ему пришлось вступить в нормальные отношения? Только активисты Лиги борьбы со сновидениями совершенно свободно предлагают себя, но так ли они ловки в выполнении того, что сами считают тяжким долгом, неизвестно. Дело в том, что около ста лет мужчины и женщины соблюдали почти полную физическую чистоту. Одиночество, мягкая полутьма в тесных стенах комнаты и кресло с укрепленным аппаратом. Человечество не желало ничего другого. В жертву возвышенной привлекательности сновидений была принесена гордость обладания комфортабельным домом, элегантной одеждой, автовертолетом и другими удобствами. Зачем утомляться ради достижения реальных целей, когда дешевый онирофильм дает возможность по-королевски прожить целый час, когда великолепные женщины восхищаются и благоговеют перед тобой, прислуживают тебе?

Миллиарды человеческих существ прозябали в нищенских городах и жалких жилищах, пищей им служили витаминные концентраты и соевая мука. Они не ощущали никаких настоящих потребностей. Финансовые группы давно перестали интересоваться производством предметов потребления, вкладывая средства в изготовление онирофильмов – единственного дефицитного товара.

Софи взглянула вверх на световое табло и почувствовала, что противна сама себе. В красноречивой таблице индексов продажи цифры были убедительнее любых слов. Она была самой модной актрисой! Наибольшим спросом пользовались онирофильмы с ее участием. Софи вышла из магазина и, опустив голову, медленно и неуверенно ступая, побрела домой. Она не понимала, кто же эти мужчины, которые шли навстречу, не узнавая ее, – рабы или хозяева?

Зазвонил видеотелефон, в бархатной черноте экрана появилась полоска света, перезвон раздавался как бы с высоты колоколен, упиравшихся шпильями в свинцовый рассвет дремоты. Софи потянулась к кнопке аппарата.

На экране мелькнула красная змейка, задержалась, вспыхнула ярче, потом исчезла, уступив место изображению Бредли.

– В чем дело? – сказала Софи зашпанным голосом. – Который час?

– Полдень. Вставай, детка, ты должна лететь в Сан-Франциско.

– В Сан-Франциско? Ты с ума сошел.

– Софи, мы заключили контракт на совместное производство с «Норфолк компани». Ты должна была прибыть на место в будущий понедельник, но нас торопят. Ты очень нужна.

– Но я еще в постели, я очень плохо спала. Вылечу завтра, Бредли.

– Одевайся, – сухо сказал Руководитель. – Реактивный лайнер Компании ждет тебя в Западном аэропорту. Не теряй времени.

Софи фыркнула. Эта срочная работа не входила в ее планы; она бы предпочла хорошо отдохнуть за день; со слипавшимися глазами она все же вскочила с постели и торопливо и

неловко стала снимать в ванной пижаму. Стоя под холодным душем, она поежилась от колющих струек воды. Затем вытерлась, быстро оделась и чуть не бегом вышла из дому.

Она знала систему работы «Норфолк компани». Это придиры хуже Бредли, они всегда готовы выискать дефекты даже в самых удачных сценах.

Вертолет доставил ее к воротам аэропорта за восемь минут. Оглядываясь по сторонам, она направилась к дорожке, где стояли частные самолеты. Из служебного помещения вышел летчик и упругим шагом двинулся ей навстречу.

– Софи Барлоу?

Он был высокий, очень светловолосый и такой загорелый, что лицо казалось терракотовым.

– Я Марко Глигорич из «Норфолк компани».

Софи ничего не ответила. Летчик не удостоил ее взглядом, он говорил, глядя в пространство холодными, враждебными глазами темно-серого цвета. Взял ее чемоданчик и быстро пошел к центральной дорожке, где самолет Компании был уже готов к вылету. Софи с трудом поспежала за ним.

– Эй! – сказала она гневно, притопнув ногой. – Я ведь не спринтер! Нельзя ли чуть потише.

– Мы опаздываем, – не оборачиваясь, спокойно ответил летчик и продолжал шагать. – Через три часа мы должны быть в Сан-Франциско.

Когда они подошли к самолету, Софи никак не могла отдышаться.

– Ничего, если я войду первой?

Пилот пожал плечами. Он помог ей подняться, сел на свое место и стал ждать команды диспетчера.

Софи с любопытством осматривалась; приборы и рычажки панели управления пугали ее. Пока пилот нетерпеливо насвистывал, Софи достала из кармана в сиденье с десятков старых пожелтевших журналов; среди них попадались даже прошлогодние. Она нашла каталог, где была загнута страница со списком фильмов, в которых Софи играла главную роль.

– Это твой каталог?

Летчик не ответил. Он напряженно смотрел вперед. Взлетели хорошо, Софи ничего не заметила; она выглянула в окошко и с трудом удержалась от восторженного восклицания: под ними простиралось множество домов, а там, на горизонте, открывалась, словно веко, серая раковина полей.

– Твой? – повторила Софи.

Летчик слегка повернул голову. Незаметное движение, быстрый взгляд. Потом он снова напрягся, прежде чем ответить сквозь зубы:

– Да.

Она попыталась скрыть удовольствие, которое овладевало ею каждый раз, когда кто-нибудь признавал ее неотразимой.

– Как тебя зовут?

– Глигорич, – пробормотал летчик. – Марко Глигорич.

– Русский?

– Югослав.

Она снова посмотрела на него. Узкие сжатые губы, четкий прямой профиль. Молчаливый и мускулистый, Марко, казалось, был высечен из глыбы. Софи не вытерпела.

– Можно задать тебе вопрос?

– Ну.

– Там... в аэропорту. Ты вышел мне навстречу и спросил: «Вы Софи Барлоу?» Зачем? Разве ты не знаешь меня? Эти журналы и каталог. Держу пари, что ты мой почитатель. Почему же ты притворился, что не узнал меня?

– Я не притворялся. В жизни ты совсем другая. В конце концов я тебя узнал, потому что ты с минуты на минуту должна была появиться у входа. В толпе иное дело. Я б тебя даже

не заметил.

Софи закурила сигарету. Может быть, пилот прав, в толпе ее никто бы не узнал, даже и без этих черных очков. Она обиделась немного на своего пилота. Попыталась снова заговорить с ним, но Марко оставался безучастным. Он поморгал два или три раза и выставил вперед подбородок. Софи схватила Марко за руку.

– Послушай, дружище! Включи автопилот – мы сможем вместе покурить.

– Предпочитаю сам вести машину.

– Глупец!

Она закурила вторую сигарету, потом от этой еще одну; нервно перелистывая журналы, она порвала несколько страниц, затем стала напевать, притопывая ногой по резиновому настилу кабины, сердито фыркала и в конце концов даже притворилась, будто ей плохо. Марко порылся в карманах комбинезона и достал таблетки.

Софи побледнела от ярости.

– Идиот! Мне здесь надоело, я ухожу в салон.

Небольшой салон позади кабины пилота был очень удобным: давай, откидная кушетка, столик и бар. Софи налила себе высоких стакан бренди и вылила его до дна большими глотками. Тут же налила второй, и сразу очертания предметов задрожали в зовущем голубоватом тумане; она откинулась на диване, думая о Марко, таком же глупом Потребителе, как и все. Скорее бы приехать в Сан-Франциско, сняться в фильме и обратно в Нью-Йорк.

На этот раз она проглотила бренди с трудом. А когда поставила стакан на столик, то ненадолго потеряла сознание. Опираясь на валик дивана, она ощутила внутри пустоту, словно в падающем лифте. Стакан заскользил по столику и упал на пол... Потом боль в плече, удар в лоб и... туман, красные и голубые круги, бешеный рев моторов.

– Марко! – позвала она, приподнявшись.

Казалось, что дверь, которая вела в кабину, наглухо заперта. Последним усилием она схватилась за непослушную ручку и, шатаясь, толкнула дверцу. Пустота внизу живота, круги перед глазами, странное ощущение невесомости. Она увидела плечи Марко, его руки, крепко сжимавшие штурвал, и несущиеся навстречу облака.

Теперь Марко заговорил. Он что-то кричал, но Софи не слышала его. Она прижалась к спинке кресла и, стиснув зубы, ждала удара. Самолет вошел в штопор.

Когда она приоткрыла глаза, то увидела в небе белое облако. В голубой вышине кружил ястреб. Она лежала на спине и чувствовала, что лоб покрылся испариной. Софи приподняла руку, провела по лицу, по вискам и, повернувшись на бок, достала из кармана платок. Марко стоял у шасси. За ним возвышались гигантские красные скалы, закрывавшие небо.

– Что случилось? – тихо спросила она.

Летчик развел руками.

– Не знаю, – сказал он, покачав головой, – сам не могу понять. Самолет внезапно потерял управление и начал падать. Чудом мне удалось выровнять его, но было уже поздно. Смотри, какой мы проделали спуск, прежде чем очутиться у этой скалы!

Софи привстала, потирая ушибленное плечо.

– А теперь? Ты хоть знаешь, где мы?

Марко потушил.

– Это Гранд Каньон, мы в боковом ущелье, здесь самое пустынное место, но Брайт Эйнжел Трейл, должно быть, недалеко.

Софи широко раскрыла глаза.

– Гранд Каньон? Гранд Каньон! – повторила она через секунду и громко засмеялась. – Действительно здорово. Невероятно.

– Что невероятно?

– Не притворяйся глупцом, Марко. Отказали моторы, вынужденная посадка, причем именно здесь, в Гранд Каньоне... Все как в прошлогоднем фильме. «Экстаз», ты, конечно,

помнишь?

Молнией мелькнуло подозрение.

– Скажи-ка, не сделал ли ты все это нарочно? Слишком уж много деталей совпадает. Ты действительно пилот, но я не персидская принцесса, а Софи Барлоу. Ты хотел остаться со мной, не так ли? Хотел быть со мной, как в фильме?

Возмущенный Марко выпрямился. Он взял ее за плечи, отодвинул, подошел к самолету и, с трудом открыв погнутую дверцу, влез внутрь. На землю полетели вещи: два одеяла, пластмассовая фляга с водой, коробки с синтетическими продуктами, фонарик. Потом вышел из кабины, держа в одной руке бутылку бренди, а в другой тяжелый аппарат.

– Пошли, – сказал он, – возьми все, что сможешь донести.

Софи восхищенно смотрела на него.

– Куда?

– Мне совсем не хочется сгнить среди этих скал. Нужно добраться до главного Каньона. Фентон Ранч должен быть не далее чем в пятидесяти милях, и потом всегда найдется какой-нибудь глупый восторженный турист, который заберется дальше к востоку, чтобы сфотографировать пейзаж.

– Ты пробовал связаться с базой по радио?

– Передатчик сломан. Быстрее. Бери самое необходимое – и пошли отсюда.

Собрались быстро. Марко шел длинным пружинящим шагом. Бутылка бренди прыгала в набедренном кармане, а сам он согнулся под тяжестью большого узла из одеял, в которые были завернуты аккумуляторы и порядочных размеров металлическая коробка. За ним вприпрыжку следовала Софи с продуктами и флягой.

Через полчаса они остановились. Софи задыхалась, ее взгляд молил о пощаде. Марко смотрел прямо перед собой, но Софи понимала, что была для него обузой, от которой, увы, не так легко отделаться.

– Ты шагаешь слишком быстро, Марко.

Летчик поглядел на закрытый тучами горизонт.

– Идем, через пару часов будет совсем темно.

Когда они вышли к главному Каньону, уже смеркалось. Марко показал какую-то точку на красно-коричневой скалистой стене.

– Пещера, – сказал он словно в бреду.

– Пещера, – повторила Софи. – Точно, как в фильме. Все как в фильме, Марко.

Летчик помог ей вскарабкаться по склону, потом сбросил свой груз у входа в пещеру. Софи увидела, что он начал собирать траву и хворост и большими охапками складывать у входа.

– Скоро станет холодно. Нужно развести костер.

Он включил фонарь и осмотрел пещеру – коридор длиной в пятнадцать метров в середине заворачивал почти под прямым углом. Сложив хворост посреди пещеры, Марко, не скрывая радости, зажег его. Они поели в молчании, на стене дрожала огромная тень от крыла летучей мыши.

– Пока ты собирал хворост, – сказала Софи, – я развернула сверток и увидела, что там проекционный аппарат. Зачем ты взял его с собой?

– Он стоит сто двадцать монет, – сказал Марко. – Для актрисы это пустяки. А мне, чтобы столько заработать, нужно тянуть лямку три месяца, поняла?

Он взял металлическую коробку и футляр с пленками.

– Ну, а теперь что ты собираешься делать? – удивленно спросила Софи.

– Пойду в глубь пещеры. Разве я не имею права на уединение?

– Да, но при чем здесь аппарат? Что ты хочешь делать?

Марко смутился. Когда Софи схватила футляр и открыла его, он не сопротивлялся. Безучастно позволил ей прочитать все пояснения.

– Это же мои фильмы, Марко! Господи, да тут все: «Голубые небеса», «Совращение», «Цейлонские приключения». Даже матрица! «Экстаз» на матрице. Это твой любимый

онирофильм, да?

Марко молчал, опустив глаза. Софи закрыла футляр. Матрица высшего сорта, только немногие могли себе это позволить. Обычный онирофильм приходилось выбрасывать после одного просмотра, так как в аппаратуре он размагничивался. Матрица же была практически вечной.

– Когда ты ее купил?

Раздосадованный Марко пожал плечами.

– Оставь, ты слишком любопытна. Что тебе от меня надо? Твои фильмы продают миллионам Потребителей. Я только один из них. Я купил «Экстаз» на матрице. Что здесь странного? Этот фильм мне особенно нравится. Я...

– Продолжай, – попросила Софи, стиснув его руку.

– Я смотрю его каждый день. – Голос летчика стал глухим, недовольным. – А теперь отойди, попытайся заснуть, завтра с утра нам придется пройти несколько миль. Я пойду в глубь пещеры.

– С аппаратом?

– Конечно! А тебе что за дело? Хочу насладиться фильмом в спокойной обстановке.

Софи овладело внезапное чувство потери, как будто все ее существование лишилось всякого смысла. «Что со мной происходит? Чего я добиваюсь от этого человека? Он тысячу раз прав, не устаивая меня взглядом». Она чувствовала потребность обидеть, оскорбить его, надавать ему пощечин. Но мысль о его объятиях возникла и завладела всем ее существом.

– Но ведь здесь я сама, – неожиданно сказала она.

Марко резко обернулся.

– Что?

– Я сказала, что я сама здесь, Марко, сегодня тебе не нужна лента.

– Не нужна?

– Нет. Ты можешь провести со мной ночь, как в фильме... лучше, чем в фильме...

Марко рассмеялся.

– Это не одно и то же... И вообще не смей меня – твои слова достойны активистки Лиги. Ты, видно, шутишь?

– Я повторяю, ты можешь обладать мною.

– А я тебе повторяю, что это разные вещи.

– Марко! – взмолилась актриса. – Я нужна тебе, каждый день ты смотришь этот фильм и продолжаешь видеть во сне эту пещеру, огонь, продолжаешь мечтать о моих поцелуях, о моем теле, которое я тебе сейчас предлагаю. Все как в фильме, глупый. Чего ты ждешь? Я сделаю для тебя все, что ты захочешь, даже...

На миг Марко заколебался. Потом покачал головой и направился в глубь пещеры.

– Марко, – в отчаянии позвала Софи. – Я Софи Барлоу! Софи Барлоу, понимаешь?

Она сбросила бретельки комбинезона, обнажила плечи, яростно стащила с себя рубашку и швырнула ее на землю.

– Посмотри на меня!

Вспыхнуло пламя, яростные красные и зеленые языки огня, острый запах древнего леса. Она видела, как Марко сжал кулаки, его губы задрожали, словно от боли.

Секунду он стоял в нерешительности, потом бросил катушки с лентами в огонь и кинулся к ней.

Сначала голубой цвет, потом красный. Затем снова голубой. Когда катушка кончилась, аппарат остановился. Софи сняла с головы шлем амплекса. Виски вспотели, сердце билось неровно. Все тело дрожало. Особенно руки.

Никогда в своей жизни она не жила в сновидении так интенсивно, ни один онирофильм не позволил ей настолько полно выразить себя. Нужно скорей поблагодарить Бредли. Она вызвала его. Но, увидев его на экране, почувствовала, что слова застряли у нее в горле.

Сильно волнуясь, она пробормотала несколько бессвязных слов и расплакалась.

Бредли терпеливо ждал.

– Небольшой подарок, Софи. Так, ерунда. Когда актриса достигает высот своей карьеры, она имеет право и не на такие знаки признания. И они будут, Софи. Ты получишь все, что заслуживаешь. Ведь система совершенна. Необратима.

– Да, Бредли. Я...

– Это пройдет, Софи. Рано или поздно, так бывает со всеми актрисами. Последнее препятствие, которое нужно преодолеть, – это всегда тщеславие; ты тоже думала, что мужчина сможет предпочесть тебя фильму, и впала в самую опасную ересь, но мы все заметили и поспешили на помощь. С подарком. Эта матрица поможет тебе справиться с нервным кризисом.

– Да, Бредли. Поблагодари техников, операторов, режиссера, поблагодари всех, кто участвовал в создании онирофильма. Особенно актера, сыгравшего летчика...

– Этот новичок – молодец...

– Поблагодари его. Я пережила прекраснейшие моменты. И главное, спасибо тебе, Бредли. Представляю, сколько времени и денег стоил вам этот фильм. Он превосходен. Я буду хранить его на почетном месте в своей ониротеке.

– Пустяки, Софи. Ты принадлежишь к правящему классу. Можешь себе позволить персональный онирофильм, по мерке. Все мы, Промышленники, можем себе это позволить. Мы ведь всегда помогали друг другу. Я хотел бы, чтобы ты усвоила только одно.

– Что, Бредли?

– Эта матрица больше, чем подарок, – это предупреждение.

– Согласна, Бредли. Кажется, я поняла.

– Не забывай этого. Нет ничего лучше сновидений. И только сновидение может убедить тебя в обратном. Я уверен, что, посмотрев эту матрицу раз пять-шесть, ты поймешь урок и выбросишь ее.

Она слушала его в слезах.

– Увидимся завтра, в просмотровом зале.

– Хорошо. Спокойной ночи, Бредли.

– Спокойной ночи, Софи.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)